

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.91.103>

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ УСТЬ-КАМЕНКА

©2026 г. В.А. Лысенко

Статья посвящена анализу погребального обряда курганного могильника у с. Усть-Каменка Днепропетровской области. Памятник существовал в I в. до н.э. – I в. н.э., одновременно с рядом грунтовых некрополей, расположенных близ укрепленных поселений на правом берегу Днепра. Цель данной работы – выявление особенностей погребального обряда и сравнение полученных результатов с информацией об обряде, практикуемом в грунтовых некрополях. В ходе данного исследования был проведен качественный, количественный и пространственный анализы. Это позволило определить признаки погребального обряда, выявить среди них стандартные, особые и индивидуальные. Сочетание этих признаков легло в основу группировки погребальных комплексов, однако картографирование этих групп не выявило особых погребальных зон. Полученные результаты были соотнесены с материалами грунтовых некрополей, выделен ряд общих черт и различий, которые были обусловлены разными образами жизни (оседлый vs кочевой) и характерными для них идеологическими установками.

Ключевые слова: археология, Северное Причерноморье, Нижнее Поднепровье, ранний железный век, римское время, сарматское время, погребальный обряд, курганный могильник, грунтовый могильник, среднесарматская культура, позднескифская культура

BURIAL RITE OF UST-KAMENKA BARROW CEMETERY

V.A. Lysenko

This paper deals with the analysis of burial rite of the barrow cemetery, located nearby the village of Ust-Kamenka in the Dnipropetrovsk region. The site functioned from the first century BC to the first century AD, contemporaneously with cemeteries without mounds associated with fortified settlements on the right bank of the Dnieper River. The aim of the study is to identify specific features of the burial rite and to compare the results with data on the rite practiced in burial grounds without mounds. The qualitative, quantitative, and spatial analyses applied in the research made it possible to distinguish the main characteristics of the burial rite and its standard, special and individual features. The burial assemblages were grouped according to the combination of these features; however, spatial mapping of these groups did not reveal any distinct burial zones. The results were compared with materials from cemeteries without mounds, revealing both common features and significant differences. These differences were due to different lifestyles (sedentary vs. nomadic) and their characteristic ideological attitudes.

Keywords: archaeology, Northern Black Sea region, Lower Dnieper region, Early Iron Age, Roman period, Sarmatian period, burial rite, barrow cemetery, cemetery without mounds, Middle Sarmatian culture, Late Scythian culture

В Нижнем Поднепровье в конце I в. до н. э. – I в. н. э. появились курганные могильники, отсутствовавшие в данном регионе в течение нескольких столетий (Мордвинцева, 2015а, с. 123). При этом местное население продолжало хоронить своих умерших в грунтовых некрополях, расположенных поблизости от укрепленных поселений. Погребальному обряду таких некрополей посвящено несколько работ (Мордвинцева, 2015б; Лысенко, 2026 (in print)), в то время как курганные некрополи еще не подвергались подробному анализу. Целью данной работы является анализ погребального обряда одного из наиболее

репрезентативных с точки зрения источниковой базы могильников – Усть-Каменского – и сравнение полученных результатов с данными относительно одновременных грунтовых некрополей Нижнего Поднепровья. При обнаружении признаков сходства и/или различий могут быть поставлены вопросы о причинах их появления и содержании стоявших за этими явлениями культурно-исторических процессов.

История археологического изучения

Усть-Каменский курганный некрополь располагался в Апостоловском районе Днепропетровской области на окраине

села Усть-Каменка, на мысу у слияния рек Каменки и Базавлук. Первые раскопки были проведены Никопольской археологической экспедицией ИА АН УССР под руководством Е.А. Махно, проводившей археологические изыскания в регионе в связи с началом строительства Каховской ГЭС. Из 63 курганов, нанесенных на план, в 1951 г. было раскопано 20, результаты этого исследования были опубликованы в статье 1960 г. (Махно, 1960). Дальнейшие работы на памятнике проводились в период между 1983 и 1985 гг. силами Сарматской экспедиции Днепропетровского университета под руководством В.И. Костенко. В ходе этих исследований было изучено еще 50 курганных насыпей, а результаты исследований были опубликованы в монографии (Костенко, 1993), где также были определены характерные черты погребального обряда, рассмотрена хронология памятника и приведен этнокультурный контекст возникновения Усть-Каменского некрополя. Таким образом, на данный момент опубликованы материалы раскопок 71 кургана, отнесенных к могильнику Усть-Каменка, которые содержали 82 могилы с 86 погребенными. Памятник был отнесен к среднесарматской культуре.

Опубликованы также отдельные статьи, посвященные планиграфии памятника (Яценко, 2016), типологии найденных в нем фибул (Кропотов, 2024).

Методика

При анализе погребального обряда использовалась методика, предложенная В.И. Мордвинцевой (Мордвинцева, 2015б, с. 118), которая сочетает качественный, количественный и пространственный анализ. С помощью качественного анализа определяют признаки погребального обряда (погребальное сооружение, останки погребенного, инвентарь, дополнительные структуры; терминология: Смирнов, 1997, с. 30–31). С помощью количественного анализа эти признаки разделяются на стандартные (присущие большинству), особые (признаки, распространенность которых менее 50%) и индивидуальные (присущие единичным погребениям). На этапе пространственного анализа рассматриваются особенности размещения всех компонентов обряда в пространстве могилы и всего некрополя. Далее следует выделить гендер- и возрастсопряженные признаки, разделить погребения на группы в соответствии с полом и

возрастом погребенного и подгруппы на основании особенностей погребального инвентаря, чтобы проследить разницу в посмертном обращении в зависимости от пола и возраста.

Качественный анализ

В этой части исследования компоненты погребального обряда группируются в зависимости от их функционального назначения и физических свойств.

Погребальные сооружения находились под земляными насыпями диаметром от 6 до 29 м, высотой от 0,1 до 1,8 м¹. Под одной насыпью находилось от одного до трех сооружений. Они были представлены подбойными могилами и ямами прямоугольной и квадратной формы.

Подбойные могилы состояли из подпрямоугольных входной ямы и расположенной в ее длинном борту² погребальной камеры. Камера находилась ниже входной ямы на 15–80 см. В тех случаях, когда был прослежен заклад, он был выполнен из древесины. Остальные могилы представляли собой прямоугольные и квадратные ямы без дополнительных функциональных элементов³.

В прямоугольных ямах и подбойных могилах хоронили как взрослых, так и детей. Обычно дети погребались во впускных могилах, исключение составил курган № 27, возведенный над захоронением ребенка. В могилах квадратной формы хоронили взрослых индивидумов⁴.

Останки погребенных были обнаружены в двух состояниях – ненарушенном и нарушенном на постпогребальной стадии в результате неких обрядов или ограбления. Разрушение/ограбление происходило тогда, когда останки уже были скелетированными.

Положение костных останков в пространстве погребальной камеры зависело от типа сооружения. Так, в подбойных и прямоугольных могилах погребенный всегда лежал вдоль длинной стенки, в квадратных же во всех случаях – диагонально. Когда скелеты не были разрушены или их поза достоверно реконструировалась, они не различались по позоопределяющим (горизонтально вытянуто) и позообразующим (дорсально) признакам. Некоторые отличия были среди позохарактеризующих признаков (руки могли быть вытянуты вдоль туловища, одна или две руки могли покоиться на животе/тазовых костях, на груди; кости ног всегда были вытянуты, в

некоторых случаях сведены в коленах и голенях, скрещены в голенях).

В большинстве могил обнаружен *погребальный инвентарь*, к которому относились предметы, не являющиеся конструктивными элементами погребального сооружения. Его следует разделять на сопровождающий (находящийся внутри погребальной камеры), сопутствующий (находящийся за пределами камеры, но внутри погребального сооружения) и сопредельный (находящийся за пределами погребального сооружения, но в непосредственной от него близости) (Терминология: Смирнов, 1997, с. 31–32).

Сопровождающий инвентарь, найденный в могилах исследуемого некрополя, можно разделить на элементы костюма и погребальные приношения. К костюму относятся декоративные (бусы, подвески, пронизи, серьги, браслеты, перстни, нашивные бляшки, костяные пластинки с отверстиями, накладки) и функциональные элементы (фибулы, пуговицы и застежки, поясные пряжки, наконечники и скобы ремней, портупейные кольца). Приношения разделяются на предметы, связанные с употреблением пищи (кости животных, сосуды открытой и закрытой форм, ножи вместе с остатками пищи), повседневным трудом (ножи отдельно от пищи, оселки, кремни, крючки, иглы, шила, прясла), косметические принадлежности (зеркала, терочник для косметики (?), сосуды для хранения ценных веществ – пиксиды, бальзамарии, флаконы; сами вещества: смола, краска разных цветов), вооружение (наконечники стрел, копий, остатки колчана, колчаный крюк, длинные и короткие мечи, кинжалы, топор), упряжь (псалии, удила), предметы, часто интерпретируемые в археологической литературе как амулеты (колокольчики, астрагалы, ажурные подвески, клыки животных, раковины, бронзовая антропоморфная фигурка, кусочки мела или известняка), предметы, указывающие на ритуальные действия (курильницы, захоронения овцы, черепаха на подсыпке из песка, остатки тризны).

Некоторые предметы были выполнены из драгоценных металлов (золотая серьга, серебряные пряжка), некоторые встречались редко (упряжь, металлическая посуда и сосуды для ценных веществ – флакон, бальзамарий). Это позволяет предположить, что данные категории предметов могли маркировать более

высокий социальный статус погребенного. В некоторых случаях в кургане или даже в погребении захоронены не части животного, а целые туши, что, вероятно, указывает на затратную/символическую модель жертвоприношения (Мордвинцева, 2025, с. 382) и, как следствие, на более высокий статус погребенного. Еще одним подобным маркером, видимо, является топор из предположительно женского (определение по вещевому комплексу) захоронения № 49.1.1. Исследователи интерпретируют такие топоры как инсигнии (Хазанов, 1971, с. 51); аналогичный признак был отмечен в элитарном погребении женщины у с. Чугуно-Крепинка (Симоненко, 2011, с. 168).

В некоторых случаях в погребальных сооружениях зафиксированы признаки дополнительного обустройства. Это могли быть как конструктивные элементы (ступеньки со следами жертвоприношения во входной яме подбойной могилы, ниши с жертвоприношением в бортах могил прямоугольной формы), так и неконструктивные элементы в виде дублирующих (растительные подстилки из камыша или коры, древесины, меловые подсыпки) и опорных (подушки из камыша) поверхностей, дублирующих объемов (гробы, саркофаг, следы деревянных плах, облицовка бортов могилы древесиной).

Иногда отмечены остатки обрядовых действий, жертвоприношения черепах, овец, разведения костров во входной яме и погребальной камере, выброс грунта из могилы, сформированный кольцом вокруг могилы.

Дополнительные структуры в масштабе некрополя представлены ямами, содержащими остатки жертвоприношений/тризны (кости животных, фрагменты керамики), следами костров рядом с могилой, обелиском из гранита.

Количественный анализ

В ходе количественного анализа проводится подсчет однородных компонентов, которые в результате могут быть определены как стандартные (половина и более случаев), особые (менее половины случаев) и индивидуальные (встречающиеся единично).

Погребальные сооружения распределены следующим образом: подбойные могилы – 41 (50%); простые прямоугольные могилы – 26 (32%); квадратные – 15 (18%). Таким образом подбойные могилы являлись стандартной формой погребального сооружения, они содержали 43 (50%) погребенных. Остальные

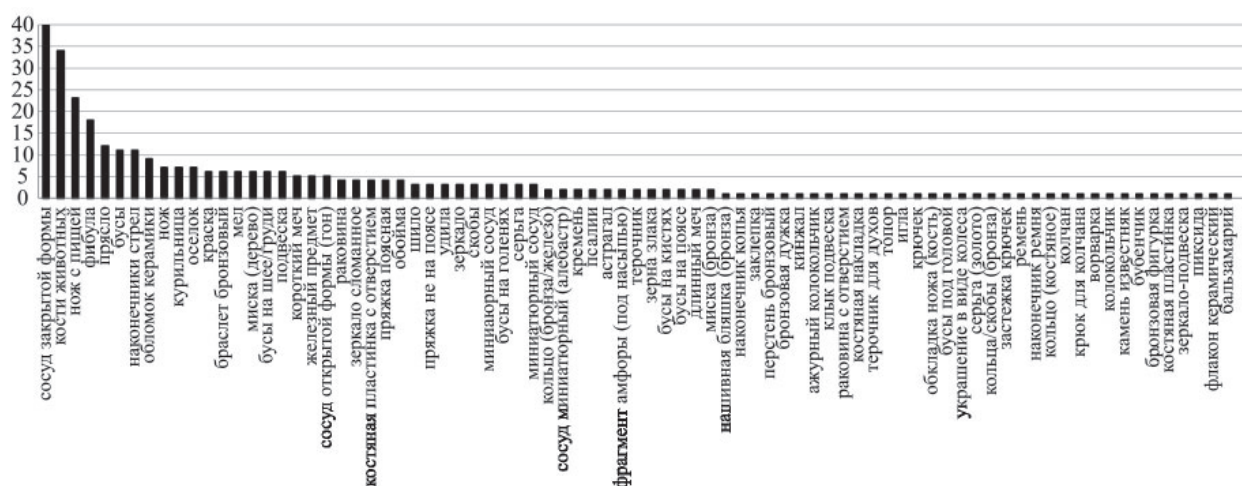

Рис. 1. Количественное распределение категорий инвентаря.

Fig. 1. Quantitative distribution of artifact categories.

типы могил были особым признаком погребального обряда.

Опорные поверхности в виде тростниковых или деревянных подголовий были отмечены только в двух случаях. Дублирующие объемы в виде гробов, саркофага, органического покрывала, установки деревянных плах вокруг и над погребенным зафиксированы в 23 случаях (27% от общего числа комплексов). Дублирующие поверхности находились в 31 могиле (36%). Таким образом, дополнительное обустройство погребальной камеры не являлось стандартным действием в погребальном обряде. Однако при рассмотрении этих признаков отдельно для каждой формы погребального сооружения можно отметить, что использование дублирующей поверхности и дублирующего объема – это стандартная форма обращения в варианте обряда с использованием ям квадратной формы (дублирующие объемы: 10 (67%); поверхности: 12 (80%)).

Останки погребенных. В могилах прослежено не менее 86 погребенных, из них взрослых 71 (83%), детей 15 (17%).

Ориентировка погребенных в пространстве была прослежена или достоверно реконструирована в 50 случаях, стандартной была ориентировка в южном секторе (35 – 70%), особой была ориентировка на запад и в северном секторе (15 – 30%).

Поза, в которой были уложены усопшие, отмечена в 48 случаях (в остальных либо были нарушены погребения, либо кости истлели полностью). Положение рук установлено в 45 случаях, ног – в 47. Стандартным положени-

ем погребенного было вытянутое дорсальное (100%), с вытянутыми вдоль туловища руками (84%) и ногами (72%).

Посмертный инвентарь. В выборку для количественного анализа посмертного инвентаря не попали погребения, подвергшиеся вмешательству на постпогребальной стадии обряда (преднамеренное разрушение, ограбление). Таким образом, при расчетах были учтены материалы 50 погребений.

Наиболее распространенной категорией погребального инвентаря является «сосуд закрытой формы» (80%, из них гончарные – 49%, лепные – 29%), «кости животных» (68%), «ножи, найденные с пищей» (46%) (рис. 1). Эти предметы стоит интерпретировать как стандартные категории для изучаемого некрополя, остальные являются либо особыми признаками, либо единичными.

В одном погребении могло находиться от одного до четырех сосудов закрытого типа (с одним – 38%; с двумя – 50%; с тремя – 9%; с четырьмя – 3%), ножи были всегда в единственном экземпляре, кости животных, в тех случаях, когда об этом напрямую говорится в тексте публикации, представлены чаще всего передней ногой и лопаткой овцы, иногда костями КРС и лошади. Остальные категории инвентаря находились преимущественно в единичных экземплярах⁵. Особое количество отмечено для ряда категорий: браслеты, фибулы, поясные пряжки, ножи, оселки, пряслица, скобы, курильницы, кусочки мела встречались в количестве до двух единиц; удила, портупейные кольца – до трех; астрагалы – до 12; наконечники стрел – до 29.

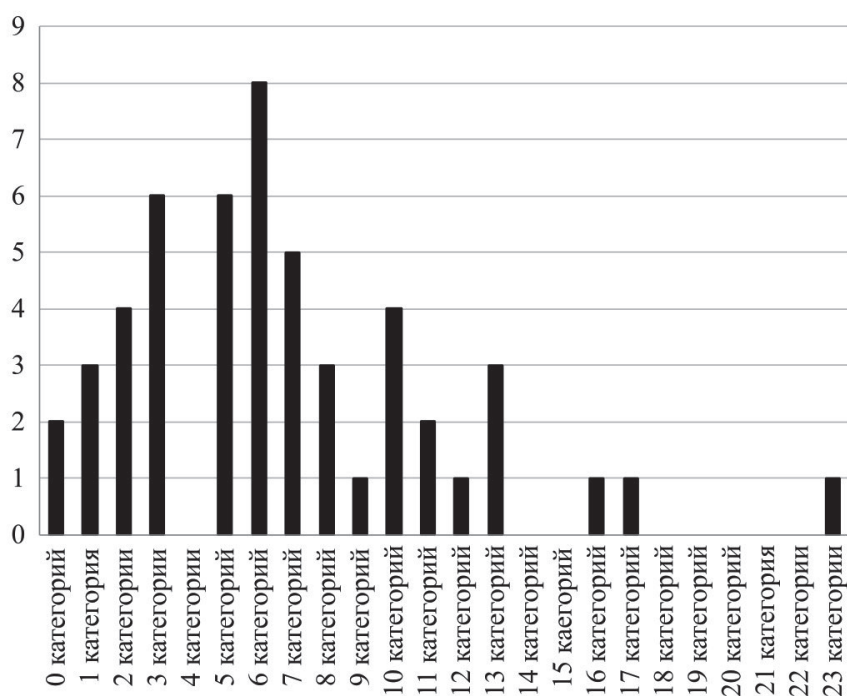

Рис. 2. Количество категорий инвентаря внутри могил.

Fig. 2. Number of grave goods categories within burials.

Без инвентаря были погребены два индивидуума, с одной категорией – три, с двумя – четыре, с тремя – шесть, с пятью – шесть, с шестью – восемь, с семью – пять, с восемью – три, с девятью – один, с 10 – три, с 11 – два, с 12 – один, с 13 – три, с 16 – один, с 17 – один, с 23 – один. Вероятно, в исследуемом обществе нормой положения было от трех до семи уникальных категорий инвентаря, восемь и более категорий стоит интерпретировать как «избыточное» количество, две и менее – как неполное (рис. 2).

Среди погребений с неполным набором погребального инвентаря преобладали захоронения детей (шесть – 67%), в остальных случаях погребения взрослых.

Сопутствующий инвентарь находился во входных ямах непотревоженных подбойных могил, всего в четырех случаях (8%). В одном случае был отмечен нож (№ 53), в другом – развал кувшина (№ 54). В двух случаях во входных ямах находились остатки жертвоприношений: панцири черепах на песчаной подсыпке на специальной ступеньке (№ 32) и нога и лопатка КРС, фрагменты керамики (№ 34.2).

Сопредельный инвентарь находился под некоторыми насыпями курганов (7%): были найдены фрагменты керамики и разрознен-

ные кости животных. Вероятно, эти находки можно интерпретировать как остатки жертвоприношений/тризны, совершаемых на завершающей стадии.

Дополнительные структуры. В ряде насыпей (10%) были выкопаны ямы, от одной до трех. В пяти из них не было отмечено никаких находок, в других были кости крупного рогатого скота, обломки тарной и столовой керамики, бисер, зернотерка, голова коня. Видимо, эти ямы являются свидетельством жертвоприношений/поминальных действий на постпогребальном этапе.

Пространственный анализ

Пространственный анализ проводится для выявления особенностей и закономерностей в размещении элементов погребального обряда в пространстве могилы и всего некрополя. Картографирование различных признаков может помочь выявить особые зоны, предназначенные для одного рода, носителей специфического социального статуса. Анализ размещения предметов внутри могилы может помочь реконструировать костюм, определить его особенности, связанные с полом, возрастом, родом деятельности.

Некрополь располагался на мысу, образованном реками Каменкой и Базавлук. С юго-запада некрополь был ограничен рекой

Рис. 3. План некрополя.

Fig. 3. Plan of the necropolis.

Каменкой, с северо-востока – насыпью высотой до 6 м, возведенной в скифское время (Костенко, 1993, с. 11).

На плане некрополя (рис. 3), имеющегося в публикации (Костенко, 1993, рис. 5), курганы нанесены в едином размере, без масштабирования, из-за чего невозможно определить, как именно располагались курганы относительно друг друга и, следовательно, выявить систему в их размещении. Уверенно можно сказать, что курганы были организованы двумя компактными неравномерными группами (16 курганов на северном участке и 55 на южном), разделенными полосой незанятого курганами пространства. В южной части, немного в стороне, находились две группы по несколько курганов (три и четыре), в северной части отдельно стоял курган № 62, возведенный еще в эпоху бронзы, но содержащий два впускных погребения сарматского времени.

Могилы прямоугольной и квадратной форм находились на всех участках, как и подбойные могилы, но их концентрация отмечена

на южном участке (39 – 95%). Погребальные сооружения преимущественно были ориентированы длинной стороной по оси СЗ – ЮВ (подбойные: 20 – 49%; прямоугольные: 16 – 62%), квадратные могилы, в свою очередь, были ориентированы углами СЗ – ЮВ/СВ – ЮЗ в восьми (53%) случаях.

Останки погребенных. Положение в пространстве могилы напрямую зависело от ее формы. В подбойных и прямоугольных могилах скелет располагался вдоль длинной стенки. В квадратных могилах останки всегда располагались по диагонали, от угла в угол.

В пространстве некрополя погребенные располагались головой в южный сектор (подбойные: Ю, ЮЗ по шесть случаев – 24%; прямоугольные: ЮЗ пять – 42%; квадратные: ЮЗ пять – 38%). Несовпадение стандартной ориентации костяка и погребального сооружения (в случае с прямоугольными и подбойными могилами) связано с плохой сохранностью костяков и невозможностью достоверно реконструировать их положение в пространстве.

Погребальный инвентарь. В пространстве могилы элементы костюма располагались преимущественно на погребенном. Бусы были собраны в ожерелья, также ими были расшиты элементы одежды (головной убор, ворот, рукава, пояс, штанины или обувь), подвески находились в составе ожерелий, серьги находились у черепа и под лопаткой, браслеты были надеты на предплечья, перстень находился в ногах, фибулы скрепляли одеяние и находились в области плеч и локтей, пряжки – в области таза.

Подношения находились как внутри погребальной камеры, так и во входной яме. Внутри камеры они, вероятно, занимали свободное пространство: одновременно могли находиться и в ногах, и в головах погребенного, в углах могилы квадратной формы, внутри дублирующего объема вместе с погребенным. Предметы вооружения лежали вдоль правой или левой руки, кинжал был зажат в кисти.

Нанесение различных категорий инвентаря на план некрополя (рис. 4) не выявило особого характера их размещения. Однако стоит отметить, что такие категории, как «длинный меч» (курганы № 37, 40), «короткий меч» (№ 32, 41, 43, 52, 58, 62.1, 66) и «наконечник копья» (№ 38, 56), сконцентрированы преимущественно группами (40–41–43) у северо-западной оконечности некрополя, (52–66) у северной, (38–37–4–58) у юго-восточной. Курган 62 находится на удалении от остального некрополя по направлению к северо-востоку, курганы 32 и 56 расположены в центральной части некрополя.

Гендер- и возраст-сопряженные признаки

Из 50 комплексов, включенных в выборку, шесть содержали погребения мужчин, три – женщин⁶, 13 – детей. В погребениях женщин представлен ряд категорий инвентаря (бусы, подвески, прясла, зеркала, румяна), которые не отмечены в погребениях мужчин, что

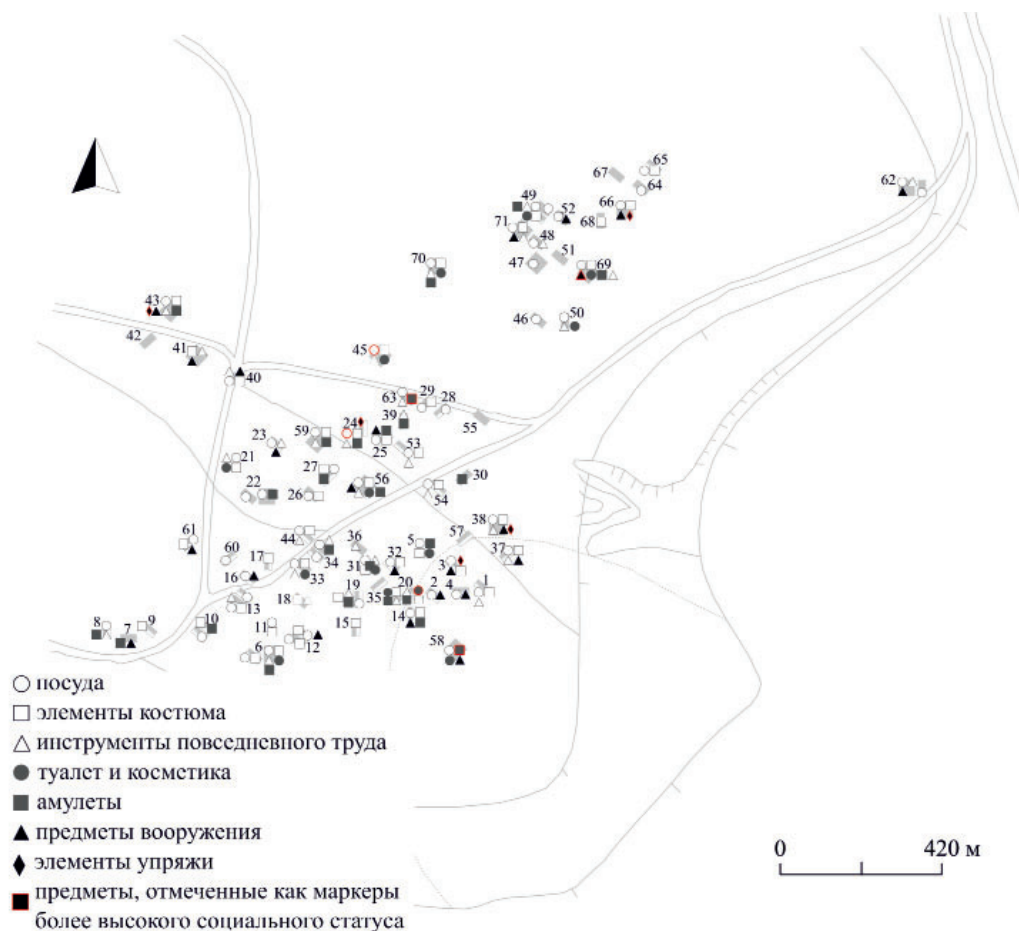

Рис. 4. Категории погребального инвентаря в пространстве некрополя.

Fig. 4. Grave goods categories within the necropolis.

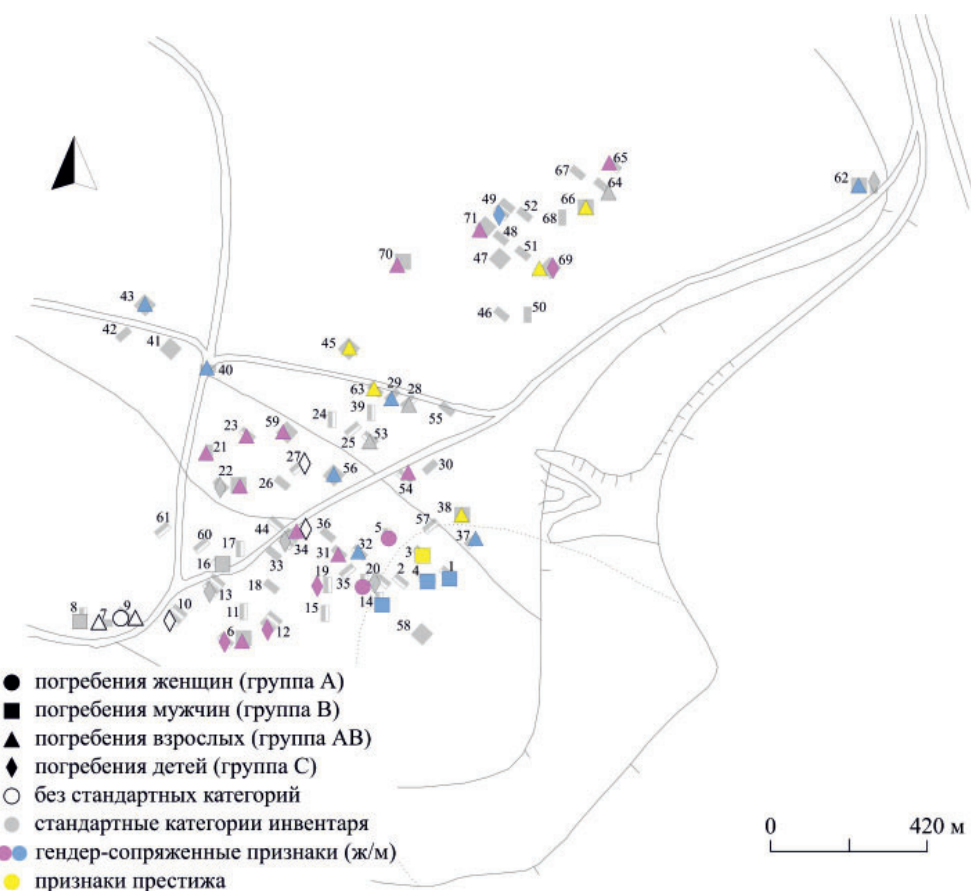

Рис. 5. Группы погребений на плане некрополя.

Fig. 5. Groups of burials on the necropolis plan.

позволяет интерпретировать их как гендер-сопряженные. В погребениях мужчин среди присущих только им вещей можно выделить поясные пряжки, элементы упряжи и кинжал. Кроме этого, гендер-сопряженными мужскими категориями также могут считаться остальные элементы вооружения (мечи, наконечники копий), которые не отмечены ни в одном погребении с «женскими» категориями⁷.

Среди погребений детей не было выявлено особых категорий, которые можно было бы маркировать как возраст-сопряженные, но стоит отметить, что детей сопровождали в первую очередь кости животных, элементы костюма и амулеты. Не свойственны для их погребений узды, предметы вооружения (даже наконечники стрел) и предметы, связанные с выполнением повседневного труда. Гендер-сопряженные признаки встречаются как характерные для одного пола, так и для обоих полов одновременно⁸.

Так, исходя из половозрастной идентификации и состава погребального инвентаря погребения можно разделить на группы (рис. 5):

Группа А: погребения женщин.

Подгруппа А1: погребения без стандартных категорий инвентаря, безынвентарные. Всего: одно безынвентарное погребение.

Подгруппа А2: погребения со стандартными категориями инвентаря.

Подподгруппа А2.1: погребения с гендер-сопряженными категориями. Всего: два погребения с 9 и 18 категориями инвентаря.

Подгруппа А3: погребения с предметами престижа. Не отмечены среди погребений с достоверно установленной женской половой принадлежностью.

Группа В: погребения мужчин.

Подгруппа В1: погребения без стандартных категорий инвентаря, безынвентарные. Не отмечены среди погребений с достоверно установленной мужской половой принадлежностью.

Подгруппа В2: погребения со стандартными категориями инвентаря. Всего: два – с тремя и шестью категориями инвентаря.

Подподгруппа В2.1: погребения с гендер-сопряженными категориями. Всего: три – от трех до пяти категорий инвентаря.

Подгруппа В3: погребения с предметами престижа. Всего: одно – с шестью категориями инвентаря.

Группа АВ: погребения взрослых без достоверной гендерной идентификации.

Подгруппа АВ1: погребения без стандартных категорий инвентаря, безынвентарные. Всего: два – с двумя категориями инвентаря.

Подгруппа АВ2: погребения со стандартными категориями инвентаря. Всего: три – от трех до пяти категорий инвентаря.

Подподгруппа АВ2.1: погребения с гендер-сопряженными категориями – женскими. Всего: 11 – от 5 до 24 категорий инвентаря.

Подподгруппа АВ2.2: погребения с гендер-сопряженными категориями – мужскими. Всего: семь – от 6 до 16 категорий инвентаря.

Подгруппа АВ3: погребения с предметами престижа. Всего: пять, из них два содержали «мужские» гендер-сопряженные признаки – 10 и 12 категорий инвентаря; два содержали «женские» гендер-сопряженные признаки – по 14 категорий инвентаря; одно не содержало гендер-сопряженных признаков – шесть категорий инвентаря.

Группа С: погребения детей.

Подгруппа С1: погребения без стандартных категорий инвентаря, безынвентарные. Всего: одно безынвентарное.

Подподгруппа С1.1: погребения с гендер-сопряженными категориями. Всего: два – с двумя и тремя категориями инвентаря.

Подгруппа С2: погребения со стандартными категориями инвентаря. Всего: пять – от одной до пяти категорий инвентаря.

Подподгруппа С2.1: погребения с гендер-сопряженными категориями – женскими. Всего: четыре – от двух до шести категорий инвентаря.

Подподгруппа С2.2: погребения с гендер-сопряженными категориями – мужскими и женскими. Всего: одно – с девятью категориями инвентаря.

Подгруппа С3: погребения с предметами престижа. Погребения детей не содержали предметов престижа.

Выводы

Таким образом, в некрополе представлено несколько вариантов погребального обряда. Для наиболее распространенного характерны индивидуальные погребения в прямоугольных ямах и подбойных могилах, где погребенный всегда располагается вдоль длинной стены камеры. Так хоронили мужчин, женщин и детей, в том числе под индивидуальными насыпями (№ 27). В подбойных могилах в курганах № 13 и 34 были отмечены парные захоронения взрослых и младенцев, в первом случае мужское (разрушено), во втором – женское. Основное погребение в могиле № 34 содержало избыточное количество стандартных категорий инвентаря и дополнительное обустройство в виде гроба и меловой подсыпки. Костяк ребенка находился рядом, без погребального инвентаря.

Ко второму варианту относятся могилы квадратной формы с диагональными захоронениями. Эти комплексы всегда содержали превышающее стандартные значения количество категорий инвентаря. Для них также было характерно дополнительное обустройство камеры (саркофаг, гробы, меловые подсыпки). Так хоронили только взрослых мужчин и женщин. Видимо, этот обряд предписывался лицам с особым (более высоким?) социальным статусом. В кургане № 69 женское захоронение сопровождали останки младенца. Основное погребение было уложено по диагонали, как во всех квадратных ямах, однако скелет ребенка лежал вдоль одной из стенок, не параллельно основному захоронению, что может свидетельствовать о том, что его статус в обществе не соответствует необходимому для погребения по «диагональному» обряду. Погребение женщины сопровождало избыточное количество стандартных категорий инвентаря (однако без мясной пищи/жертвы), предметы, вероятно несущие идеологическую нагрузку (топор, пирамидка из мела, пирамидка из гранита с окрашенной в красный цвет гранью; лицо погребенной женщины покрывала розовая краска/румяна). Скелет ребенка сопровождался бусами и подвесками, найденными под черепом.

Подобные парные захоронения, отмеченные в обоих вариантах обряда, иногда интерпретируют как могилы родителя и ребенка, свидетельство смерти при родах или спустя

непродолжительное время. В данном же случае небольшая представленность детей в могильнике⁹ при высокой детской смертности в древности может указывать на особую роль этих младенцев в обряде. Например, в случае с «парными» захоронениями эти тела могут быть свидетельством неких обрядовых действий, маркерами событий, сопровождавших похороны, выполнять роль инвентаря/жертвы, причем речь идет необязательно о преднамеренном убийстве младенца: его естественная смерть могла просто совпасть с проведением похорон (Crawford, 2007, p. 89–90). В таком случае эти погребения стоит рассматривать как индивидуальные.

По составу погребального инвентаря комплексы можно разделить на: безынвентарные погребения (A1, C1), погребения без стандартных категорий, но с гендер-сопряженными (C1.1), со стандартными категориями (B2, AB2, C2), гендер-сопряженными (A2.1, B2.1, AB2.1, AB2.2, C2.1, C2.2), с предметами, отмеченными как признаки престижа (B3; AB3). Предметами, маркирующими более высокий социальный статус, были импортные изделия (стеклянные балзамарии), металлическая посуда, декоративные элементы из драгоценных металлов (серебра), элементы упряжи, топор (инсигния?), полные туши животных. То, что подобные элементы инвентаря не отмечены в захоронениях детей, указывает на отсутствие наследования социального статуса в этом обществе (Мордвинцева, 2015б, с. 139). То, что большинство детских могил не содержало стандартных для этого социума признаков погребального обряда (сосуд закрытой формы, кости животного (лопатка и часть ноги овцы), нож «с пищей»), может свидетельствовать о том, что они не являлись его полноправными членами.

Мужчин, женщин и детей хоронили на всех участках некрополя, отдельно друг от друга. В тех случаях, когда в насыпь совершалось подзахоронение, это всегда были могилы детей (размеры костяков 0,8–1,1 м). Из особенностей размещения могил можно выделить расположение захоронений мужчин по границам некрополя и группу «мужских» курганов в юго-восточной части могильника.

Сравнение с грунтовыми могилами Нижнего Поднепровья

В завершение стоит сопоставить полученные результаты с данными о погребальном

обряде в известных синхронных некрополях позднескифской археологической культуры Золотая Балка (Мордвинцева, 2015б) и Красный Маяк (Лысенко, в печати).

Среди общих черт можно отметить использование определенных типов погребальных сооружений: прямоугольные ямы и подбойные могилы. Искать этому какое-то специальное объяснение не представляется целесообразным, поскольку они являются архетипами «яма» и «ниша» и известны с эпохи Мустье (Смирнов, 1997, с. 41), а в рассматриваемый период были распространены во многих частях античной ойкумены.

Еще одним общим элементом является набор гендер-сопряженных признаков. Во всех некрополях это ожерелья из бус, расшивка бусами ворота, рукавов и подола/штанин одежды, обуви, пояса, наличие в могиле пряслиц, румян, зеркал, туалетных принадлежностей – для женщин; оружие, поясные пряжки, элементы узды – для мужчин. Это указывает на схожие гендерные субкультуры в исследуемых обществах. Среди прочих подношений можно отметить несколько краснолаковых сосудов, фибулы типа *Aucissa*, стеклянный балзамарий, красноглиняные флаконы. Эти предметы являются импортными и, видимо, отражают включенность этих социумов в надрегиональные сети взаимодействия.

Различия же фиксируются для всех признаков погребального обряда, начиная с организации захоронения. В Усть-Каменском некрополе практиковались индивидуальные захоронения в могиле, а в грунтовых некрополях доминировали катакомбы с многоактными погребениями с разрушением скелета на постпогребальном этапе при подзахоронении новых умерших. Индивидуальные погребения в грунтовых некрополях являлись особым признаком и, вероятно, были присущи определенной социальной категории населения (Мордвинцева, 2015б, с. 139). Это различие можно объяснить идеологическими установками или социальным устройством общества.

Еще одним, вероятно, идеологически обусловленным отличием является обряд с «диагональными» погребениями, аналогии которому известны в курганных некрополях Нижнего Дона, Поволжья и Приуралья (Скрипкин, 2017, рис. 32а), но в грунтовых некрополях Нижнего Поднепровья он неизвестен.

Различаются и действия, совершаемые на завершающем этапе. В Усть-Каменском некрополе стандартом является жертвоприношение, в результате которого часть туши (обычно нога и лопатка) с посудой и ножом оставлялись в погребальной камере. В грунтовых некрополях подобные действия являются особым признаком. Кроме того, отличается стандартное жертвенное животное (Усть-Каменка – овца; Красный Маяк, Золотая Балка – лошадь, МРС, КРС). Этот обычай также является стандартом для некрополей кочевников в Волго-Донском регионе (Мордвинцева, 2015а, с. 117), а различия в выборе жертвенного животного указывают на образ жизни социума (Мордвинцева, 2025, с. 402–403). Помимо жертвоприношений животных, в грунтовых некрополях также не отмечены меловые подсыпки, фигурки из мела, очаги и костры внутри могилы.

В составе погребального инвентаря менее распространены амулеты, что может объясняться небольшим количеством детских погребений, которым в основном присуща данная категория предметов. Среди элементов костюма в курганных погребениях отсутствуют браслеты, декорированные змеиными головами, что, видимо, указывает, на то, что подобный декор имел идеологическую нагрузку, неблизкую исследуемому социуму. Отсутствуют такие импортные предметы, как шарнирные фибулы-броши, шкатулки, характерные для женских погребений, монеты, фигурные сосуды, изделия из драгоценных металлов, которые в погребениях грунтовых некрополей характерны для носителей более высокого социального статуса. Отсутствие этих предметов может указывать на более низкую степень вовлеченности хоронившего в курганах населения в сети распростране-

ния данных товаров или на отсутствие мотивации к самопрезентации при проведении погребальных ритуалов через их демонстрацию.

Различия в обрядах, практикуемых в сравниваемых некрополях, в большинстве случаев, вероятно, были обусловлены особыми идеологическими установками, характерными для специфических хозяйственно-культурных типов оставивших их социумов (оседлый *versus* кочевой). В то же время использование некоторых одинаковых предметов в погребальном инвентаре, в том числе импортов римского производства, свидетельствует о включенности этих социумов в одни и те же надрегиональные сети взаимодействия.

Таким образом, можно констатировать сосуществование на одной, сравнительно небольшой территории социумов, различающихся по хозяйственно-культурному типу. Ситуация, когда кочевники сосуществуют в одной экологической зоне с оседлым населением, не уникальна (Хазанов, 2002, с. 107–108). Появление кочевого населения в регионе, где его не было продолжительное время, может быть мотивировано, например, необходимостью получить доступ к (новому) рынку сбыта или, наоборот, стремлением оседлого населения торговать с номадами (Хазанов, 2002, с. 328–329, 333), или приглашением со стороны государства, контролирующего эту территорию, с целью получения их военной силы (Хазанов, 2002, с. 344). Например, возникновение курганных некрополей в Поднепровье в I в. до н. э. объясняют действиями Митридата VI Евпатора в его борьбе с Римом и привлечением степных варваров, что мотивировало их продвижение к центрам античной цивилизации (Мордвинцева, 2015а, с. 130–131).

Примечания:

¹ Этот показатель малоинформативен, поскольку на момент раскопок 1983–1985 гг. поле подверглось распашке и большинство насыпей утратило первоначальный вид.

² Отмечена одна подбойная могила с двумя подбоями (№ 9).

³ В одном случае отмечена могила с заплечиками, однако автор раскопок предположил (Костенко, 1993, с. 25), что входная яма была повреждена при ограблении (на постпогребальной стадии?). На чертеже (Костенко, 1993, рис. 14.1) также не отмечены заплечики, поэтому в данном тексте эта могила будет считаться ямой прямоугольной формы.

⁴ Исключение составляет курган № 69, о нем ниже.

⁵ За исключением предметов, которые обычно находятся парами: серьги, псалии, обоймы и наконечники ремня, а также категорий, норму положения которых рассчитать затруднительно: бусы, подвески.

⁶ Антропологическое определение проводила Т.С. Кондукторова (Кондукторова, 1956, приложение 16).

⁷ Кроме разрушенного погребения № 58, где были найдены бусы (бисер) и фрагменты клинкового оружия.

В данном случае это могло быть украшение ножен в мужском погребении или оружие в женском, что в таком случае может свидетельствовать о том, что клинковое вооружение было не просто гендерным/профессиональным признаком, а также могло быть маркером специфического положения в обществе.

⁸ Могила № 49.1 (бусы + бисер + сломанное зеркало + поясные пряжки).

⁹ Всего 15 (17%). Стоит отметить, что все детские скелеты в индивидуальных могилах не были младенческими и имели длину около метра.

ЛИТЕРАТУРА

Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье по материалам Усть-Каменского могильника. Днепропетровск: ДДУ, 1993. 152 с.

Кропотов В.В. Фибулы Усть-Каменского могильника на Нижнем Днестре // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23. № 1. С. 46–65.

Лысенко В.А. Погребальный обряд могильника Красный Маяк // Проблемы истории, филологии и культуры. В печати.

Махно Є.В. Розкопки пам'яток епохи Бронзи та Сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. IX. Дослідження на території Каховського водоймища. Результати робіт Нікопольсько-Гаврилівської експедиції / Ред. В.М. Даниленко, О.Ф. Лагодовська, А.І. Фурманська. Київ: Видавництво академії наук Української РСР, 1960. С. 14–38.

Мордвинцева В.И. Сарматы, Сарматия и Северное Причерноморье // ВДИ. 2015а. № 1. С. 109–135.

Мордвинцева В.И. Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка // Stratum plus. 2015б. № 4. С. 115–142.

Мордвинцева В.И. Жертвоприношения животных в Северном Причерноморье в Сарматскую эпоху // ВДИ. 2025. № 2. С. 379–412.

Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 272 с.

Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград: ВолГУ, 2017. 293 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Восточная литература, 1997. 279 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму (постановка проблемы) // Проблемы скифской археологии / МИА. № 177 / Отв. ред. П.Д. Либеров, В.И. Гуляев. М.: Наука, 1971. С. 127–142.

Яценко С.А. Сарматский могильник 2-й половины I – начала II вв. н.э. у с. Усть-Каменка: особенности планиграфии // Старожитності степового причорномор'я і Криму. Т. XIX. / Ред. Г.М. Тоцев. Запоріжжя: МСП-41, 2016. С. 196–211.

Crawford S. Companions, co-incidences or chattels? Children in the early Anglo-Saxon multiple burial ritual // BAR International Series 1696. Children, Childhood and Society / Ed. by S. Crawford, G. Shepherd. Oxford: BAR Publishing, 2007. P. 83–92

Информация об авторе:

Лысенко Владимир Александрович, младший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (г. Москва, Россия), аспирант НИУ Высшая школа экономики (г. Москва, Россия); lysnkvldmr@gmail.com

REFERENCES

Kostenko, V. I. 1993. *Sarmaty v nizhnem Podneprov'e po materialam Ust'-Kamenskogo mogil'nika* (The Sarmatians in the Lower Dnieper Region based on Materials from the Ust-Kamensk Burial Ground). Dnepropetrovsk (in Russian).

Kropotov, V. V. 2024. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* (Lower Volga Archaeological Bulletin) 23 (1), 46–65 (in Russian).

Lysenko, V. A. (in print). In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies) (in Russian).

Makhno, E. V. 1960. In Danylenko, V. M., Lahodovska, O. F., Furmanska, A. I. (eds.). *Arkheolohichni pam'yatky URSS. IX. Doslidzhennya na terytoriyi Kakhovs'koho vodoyмышcha (Archaeological Sites of the Ukrainian SSR. Vol. IX. Research on the Territory of the Kakhovka Reservoir)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 14–38 (in Ukrainian).

Mordvintseva, V. I. 2015a. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (1), 109–135 (in Russian).

Mordvintseva, V. I. 2015b. In *Stratum plus* (4), 115–142 (in Russian).

Mordvintseva, V. I. 2025. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (2), 379–412 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2011. *Rimskii import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ia (Roman Import of the Sarmatians from the Black Sea Region)*. Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).

Skripkin, A. S. 2017. *Sarmaty (The Sarmatians)*. Volgograd: Volgograd State University Publ. (in Russian).

Smirnov, Yu. A. 1997. *Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovanie, teksty, slovar' (Labyrinth: Morphology of intentional burial. Study, texts, glossary)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khazanov, A. M. 2002. *Kochevniki i vneshniy mir (Nomads and the outside world)*. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).

Shul'ts, P. N. 1971. In Liberov, P. D., Gulyaev, V. I. (eds.). *Problemy skifskoi arkheologii (Issues of Scythian archaeology)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 177. Moscow: "Nauka" Publ., 127–142 (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2016. In Toshev, G. M. (ed.). *Starozhytnosti stepovoho prychnomor'ya i Krymu (Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea)* XIX. Zaporizhzhia: "MSP-41" Publ., 196–211 (in Russian).

Crawford, S. 2007. In Crawford, S., Shepherd, G. (eds.). *Children, Childhood and Society*. BAR International Series 1696. Oxford: BAR Publishing, 83–92.

About the Authors:

Lysenko Vladimir A., junior researcher Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science. Rozhdestvenka St., 12/1, Moscow, 107031, Russia. PhD student HSE University. Staraya Basmannaya St., 21/4, bldg. 2, Moscow, 105066, Russia; lysnkvldmr@gmail.com

Статья поступила в журнал 10.02.2026 г.
Статья принята к публикации 09.07.2026 г.